

Новый курс Ф. Д. Рузвельта: единство слова и дела

Процесс преобразований в обществе располагает к поиску аналогий. Сегодня многие вспоминают о «перестройке» в США, которую историки называют третьей американской революцией. Зададим себе вопрос: какова была в Новом курсе Ф. Д. Рузвельта роль самого американского президента? Посмотрим, как менялись его взгляды в ответ на меняющиеся требования времени и как сочетались слова президента США с его делами.

Ф. Д. Рузвельт славится многими крылатыми высказываниями. Может быть, самое яркое из них было произнесено им во время борьбы за президентскую должность: «История человечества развивается по мистическим циклам. Одним поколениям многое дается, с других много спрашивается, нынешнее поколение американцев встречается с судьбой». Эти слова тридцать второго президента Соединенных Штатов Америки по праву вошли в образцы американского ораторского искусства. Но то была не обычная риторика: при всей своей красивости и эмоциональности суждение президента очень точно отразило суть драматического поворота — беспрецедентный экономический и социальный крах! — в американском историческом развитии рубежа 20—30-х годов и в его восприятии народом Соединенных Штатов.

Да, то была действительно поразительная, уникальная метаморфоза в развитии Соединенных Штатов: ведь еще совсем недавно, в 20-е годы, поколение американцев, которому было «много дано», наслаждалось самым высоким в мире жизненным уровнем и упивалось «эрой процветания», казалось, бесконечной. О процветании твердили не только златоусты от истеблишмента, о нем свидетельствовали и реальные, бесстрастные цифры. Например, в конце десятилетия в Америке выпускалось ежегодно 5,4 млн автомобилей, которые впервые могли свободно приобрести не только богатые, но и средние американцы.

Вызов времени

И вдруг это экономическое чудо — один язвительный публицист вскоре назовет его «раем для дураков» — рухнуло, словно карточный домик. Рухнуло в течение одного 1929 г.: беспрецедентный мировой экономический кризис обрушил на Соединенные Штаты свой самый жестокий удар, и его тяжелая пята подмяла не только бедняков, но и десятки миллионов

С о г р и н В. В. — доктор исторических наук, заведующий отделом историографии Института всеобщей истории АН СССР.

средних и богатых американцев. Последующие три года довершили превращение благополучного дома в руины: в 1933 г. каждый третий рабочий был лишен источников существования (количество безработных превысило 16 млн чел.), были полностью разорены около 900 тыс. фермеров, корпорации свели итоги года с потерей в 3,5 млрд долл., многие миллионеры превратились в нищих, в 47 из тогдашних 48 штатов прекратили деловые операции или вовсе были закрыты банки.

В том же 1933 г. президент Ф. Д. Рузвельт встал во главе поколения американцев, которому, в отличие от поколения 20-х годов, предстояла «встреча с судьбой». Да, то был один из наиболее трагических и непредсказуемых моментов американской истории: вера в целительные свойства частной собственности и рынка рухнула, на ее месте образовался вакуум, и ни у кого не было убедительных, гарантирующих успех решений о выходе из тупика и спасении нации. Сама нация надеялась на чудо, а роль мессии была возложена на Ф. Д. Рузвельта.

Сегодня у историков есть основания говорить о том, что Рузвельт справился со своей миссией: в результате его реформаторского курса американское общество было спасено, выведено из исторического тупика. Разные авторы по-разному истолковывают характер рузвельтовских мер. Либеральные историки, как правило, считают реформаторский Новый курс Рузвельта третьей — после революций 1776 и 1861 гг.— американской революцией, которая преобразовала капиталистическое государство в общенародное. Консервативные авторы утверждают, что Рузвельт только упрочил фундаментальные первоосновы Америки. Марксисты, в том числе и советские, признавая в своем большинстве историческую роль Нового курса, вместе с тем до недавнего времени ограничивали ее спасением капитализма посредством реформ от социалистической революции. Сегодня среди советских историков распространена новая точка зрения, которая и представляется справедливой: *реформы Рузвельта способствовали радикальному преобразованию классического капитализма на основе соединения его с процессом социализации*. Нет, в результате реформ Рузвельта американское общество не стало социалистическим, но оно перестало быть и обществом классического капитализма, включив в себя серию экономических и социальных институтов и прав, признававшихся прежде только в социалистических общественных идеалах.

Впрочем, сам Рузвельт никогда не мыслил альтернативное развитие для Америки в рамках выбора между капитализмом и социализмом. В своих речах, письмах он неизменно отстаивал идею разделения поколения американцев, «встретившегося с судьбой», на две иные магистральные «школы мысли — либеральную и консервативную». В отличие от консерватизма, отдававшего развитие истории в распоряжение естественных сил, либерализм, как интерпретировал его Рузвельт, твердо высказывался в пользу целенаправленных демократических усилий государства по преобразованию общества и объединению вокруг него с целью исправления социальных и экономических пороков всех классов и слоев¹.

Прагматик или идеолог?

В исследовательской литературе распространилось мнение, что Рузвельт был прагматиком, действовавшим по наитию, чуть ли не методом проб и ошибок, а его социальные эксперименты определялись требованиями дня, а не сознательно выбранными идеалами и целями. Но так ли это?

¹ Nothing to Fear. The Selected Addresses of Franklin Delano Roosevelt. 1932—1945. Cambridge, 1946, p. 150.

Представляется, что анализ идеологии и практики Нового курса показывает: практические меры Рузвельта чаще всего предварялись аналитическим обоснованием, шедшим от требований жизни, а не от догм. Рузвельт двигался по преобразовательной тропе вполне осознанно, и к концу его президентства новыми качествами наполнилась не только либеральная политика, но и либеральная идеология. Но вот способ ревизии и совершенствования либерализма, использовавшийся Рузвельтом,— неизменное следование запросам живой исторической практики, а не указаниям каких-либо теоретических авторитетов, породил среди многих исследователей убеждение, что президент-реформатор был абсолютным прагматиком. Как идеолог Рузвельт был «коллективистом»: он выдвигал, а тем более разрабатывал новые идеи не в одиночку, а опираясь на тесную группу советников-интеллектуалов, известную как «мозговой трест». В этом качестве он, на первый взгляд, не был оригинален: ведь президент-реформатор начала XX в., В. Вильсон, например, воспринял концепцию «новой свободы» у юриста Л. Брандейса, а Т. Рузвельт, другой президент-реформатор, предшественник Ф. Д. Рузвельта, взял концепцию «нового национализма» у политолога Г. Кроули. Но Ф. Д. Рузвельт был, безусловно, первым президентом, сознательно привлечшим для разработки идеологии, стратегии и программ правительственной политики ведущих ученых нации, представителей общественных наук. Эта опора Рузвельта на «мозговой трест» стала, надо полагать, одной из причин, умеривших интерес большинства историков к его собственным мировоззренческим поискам.

«Мозговой трест» оформился в 1932 г., во время президентской избирательной кампании. С самого начала его ведущими участниками стали профессор Колумбийского университета Р. Моли, Р. Тагвелл и А. Берли. По их свидетельству, генератором стратегии Нового курса был именно Ф. Д. Рузвельт: он определял стратегические цели преобразований, основное их содержание, а члены «мозгового треста» насыщали его установки конкретными разработками, деталями, выступали в роли научных экспертов. Рузвельт тщательно прорабатывал и редактировал все проекты, подготовленные «мозговым трестом» в соответствии с его устными рекомендациями².

Один из советников Рузвельта утверждал даже, что его политическая философия имела законченный вид уже до начала Нового курса, а придя к власти, президент только применил ее к конкретно-исторической специфике, порожденной великим экономическим кризисом³. Вот с этим утверждением согласиться трудно. Конечно, Рузвельт и к началу 30-х годов обладал либерально-реформистскими убеждениями, совмещавшими, кстати, концепции «нового национализма» Т. Рузвельта и «новой свободы» В. Вильсона. Но оказавшись у власти, он должен был развить их самым серьезным образом, в том числе и радикализировать путем включения в либерально-реформистское кредо ряда типично социал-демократических идей. При этом последние отнюдь не были почерпнуты механически из социал-демократического учения, но были сформулированы Рузвельтом на основе осмысления практических запросов американского общества.

От либерализма — к социал-демократизации

О радикализации Рузвельтом типичных либерально-реформистских взглядов, распространившихся в начале XX в., свидетельствовали уже его размышления о причинах американского кризиса, высказанные в ходе

² F u s f e I d D. R. The Economic Thought of Franklin D. Roosevelt and the Origins of the New Deal. New York, 1956, p. 208—209

³ Ibid., p. 209.

избирательной кампании 1932 года. Рузвельт анализировал кризис при помощи языка и понятий, которыми неизменно пользовались до того марксисты. Так, главную причину экономического краха он, подобно марксистам, усматривал в противоречии между общественным характером производства и частным способом присвоения. Кандидат в президенты от демократической партии указывал, что обобществление производства, рост производительности труда и товарной продукции, наблюдавшиеся в Америке 20-х годов, не сопровождались радикальным налогообложением корпораций и перераспределением стремительно возрастающих прибылей в пользу трудящихся классов. Производительные мощности нации беспрерывно увеличивались, а ее потребительские возможности в силу эгоизма и всевластия монополий оставались, по сути, неизменными. В таких условиях перепроизводство и безработица, экономический крах стали неизбежными. Далее следовал главный реформаторский лозунг Рузвельта: *основные усилия правительства должны быть направлены на радикальное преобразование сферы распределения, утверждение распределительной справедливости*⁴.

Воззрения Рузвельта радикализировались, наполняясь новым, отвечающим требованиям дня содержанием, и в последующем. На протяжении большей части президентства (а Рузвельт занимал высший пост двенадцать лет) он обнаруживал способность двигаться влево — не только в своих взглядах, но и в практических мерах. Органическое единство слова и дела и составило его вклад в американский либерализм.

При всем том, что Рузвельт живо откликался на меняющиеся исторические реалии и требовал в практической политике реагировать именно на требования дня, в его сознании присутствовал и определенный набор неизменных теоретических установок. В годы президентства он не раз напоминал американцам о своей приверженности фундаментальным либеральным ценностям и очень конкретно разъяснял, что понимает под ними. Рузвельт неизменно демонстрировал приверженность идее органического, избегающего революционных и радикальных скачков процесса преобразований, который должен был совершенствовать и дополнять, но ни в коем случае не отменять либеральные ценности, закрепленные в Декларации независимости, федеральной конституции, Билле о правах. Свое либеральное кредо он любил разъяснять, апеллируя к привлекательным для него идеалам выдающихся американских политиков, среди которых чаще называл Б. Франклина, Т. Джефферсона, Э. Джэксона, А. Линкольна, Т. Рузвельта и В. Вильсона. В этой «великой кучке» он выделял Томаса Джефферсона, рассуждать о котором ему, кажется, доставляло особое удовольствие.

Из наследия Джефферсона Рузвельт выбирал те идеи, которые были наиболее созвучны его реформаторским замыслам. Одна из них — *право каждого поколения людей на обновление общественного договора, или конституции, в соответствии с меняющимися запросами и потребностями общества*. Эту идею он истолковывал в духе прагматической философии, подчеркивая, что нововведения — как крупные, так и мелкие — должны производиться не в соответствии с умозрительными построениями и идеологическими клише, а исключительно в ответ на требования жизни. Излюбленным кредо Рузвельта стала и та мысль, что общественные изменения, после того как они назрели, должны осуществляться без всяких промедлений. При этом обществом и правительством должны были приниматься только совершенно реалистические, всесторонне просчитанные и наверняка реализуемые проекты.

Нет ничего удивительного в том, что Рузвельт, ставивший во главу

---

⁴ Roosevelt F. D. Looking Forward. New York, 1933, p. 29, 31—33.

угла идею более справедливого распределения с помощью государства национального богатства, воспринял как своего рода откровение джефферсоновскую концепцию собственности. Опираясь на авторитет Джефферсона, он доказывал, что право собственности оформилось исторически, что само его возникновение было невозможно без государства и что в силу этого государство обязано бороться с издержками свободного развития частной собственности⁵. К этим издержкам он относил узурпацию права частной собственности горсткой общества и отчуждение этого священного права от миллионов нуждающихся, престарелых, безработных и бездомных. Государство, требовал Рузвельт, должно предотвратить отчуждение от миллионов тружеников права на «самый полный, в той степени, в какой это возможно», продукт своего труда⁶.

Рассуждения Рузвельта о праве на частную собственность могут показаться сегодня наивными и даже демагогическими — чего стоит, например, его требование покончить с «правом на эксплуатацию» в Соединенных Штатах⁷, — но сам президент-реформатор искренне верил в необходимость развития новой, глубоко демократической трактовки права на частную собственность как целительной идеологической и практической меры. И вполне закономерно, что среди всех выдающихся американских демократов наиболее близким в этом вопросе ему оказался Джефферсон. Вслед за Джефферсоном и в традициях гуманизма Рузвельт ставил *права американцев на жизнь, свободу, стремление к счастью* выше права свободного распоряжения собственностью. Вслед за Джефферсоном, а также Э. Джэксоном и А. Линкольном тридцать второй президент США решительно требовал наполнить концепцию прав человека таким содержанием, которое обеспечивало максимальное национальное единение американцев. Чуждый идее упразднения классов и классовых различий Рузвельт верил в возможность их сплочения вокруг национального государства с помощью лозунгов борьбы с привилегиями меньшинства общества и обслуживания правительством интересов большинства.

Монополии и президент-реформатор

Истинно национальное правительство и подлинно национальные политические лидеры, доказывал он, должны быть способны консолидировать вокруг себя общество *на внепартийной основе*. Этой способности как раз и не обнаружили республиканская партия и его предшественник на президентском посту Г. Гувер, тесно связанные с финансовой элитой и промышленными монополиями. В отличие от них Рузвельт требовал проявить особую заботу о «забытом человеке» — крылатое и ключевое понятие в его политическом словаре, объединявшее разоренных фермеров и безработных, низкооплачиваемых рабочих и малоимущих престарелых граждан.

Конечно, требование Рузвельта о внеклассовом и внепартийном подходе со стороны правительства к правам человека, как и к социально-экономическим реалиям, отнюдь не было оригинальным для американских политических деятелей. Более того, до Рузвельта оно выдвигалось большинством американских политиков, которые, оказавшись у власти, редко демонстрировали единство слова и дела. И в случае с Рузвельтом реальная оценка лозунга о внеклассовом государстве невозможна без соотнесения выдвигаемых идеологических постулатов с практическими политическими мерами.

Скажем сразу, *Рузвельт не отменил классовых основ американского*

⁵ Ibid., p. 21.

⁶ Ibid., p. 35.

⁷ Ibid., p. 225.

общества, государства и демократической партии, но реформировал их в направлении политического плюрализма и консенсуса весьма основательно. Так, ведомая им демократическая партия в 30-е годы существенно расширила свою социальную базу, создала прочную коалицию среднего и мелкого бизнеса с рабочими, негритянским населением, фермерством и имела все основания претендовать на звание партии среднего класса. Это потребовало от нее переориентации идеологических и тактических подходов ко всем слоям общества, не только низшим и средним, но и высшим. Огромную, если не решающую роль в такой переориентации сыграл Рузвельт.

Отношение Рузвельта к высшим слоям общества, монополиям было весьма противоречивым, но неизменно критическим. Среди историков укоренилась точка зрения, что антимонополизм Рузвельта оформился только с середины 30-х годов, особенно во время второго срока его президентства. В действительности это не совсем так. Уже во время президентской кампании 1932 г. Рузвельт недвусмысленно возложил ответственность за экономический кризис на монополии, эту «экономическую олигархию», которая сконцентрировала в своих руках более половины производственных мощностей нации, утвердила максимально высокие, недоступные большинству народа цены на товары, следствием чего были кризис перепроизводства, остановка предприятий, безработица, нищета. И уже в 1932 г. Рузвельт много размышлял о реальных антимонополистических мерах, которые призваны были спасти индивидуализм, конкуренцию, право каждого американца, а не только элиты на частную собственность и утвердить всеобщее благоденствие. Он видел два возможных варианта антимонопольной политики: один был заключен в концепции «нового национализма» Т. Рузвельта и предполагал наказывать «нечестные», но поддерживать «честные» монополии, другой вытекал из концепций «новой свободы» В. Вильсона и требовал искоренить любые монополии. Ф. Д. Рузвельт склонялся в пользу второго варианта, доказывал даже, что если бы первая мировая война не прервала вильсоновский реформаторский курс, то с монополиями в Америке было бы покончено, и она никогда бы не узнала такого страшного экономического крушения, которое постигло ее в 1929 году⁸.

Судьба, однако, распорядилась так, что в течение всего первого срока своего президентства Ф. Д. Рузвельт должен был воплощать концепцию «нового национализма», а точнее тот ее практический вариант, который в сентябре 1931 г. был разработан президентом корпорации «Дженерал электрик» Дж. Своупом. В полном соответствии с планом Своупа правительство Рузвельта одобрило 16 июня 1933 г. закон о восстановлении промышленности, по которому монополии под контролем государства утверждали кодексы «честной конкуренции» — своеобразные нормативы объемов сырья и производимой продукции, цен на товары и заработной платы, которые бы предотвращали дальнейшие остановки производства и позволяли рабочим поддерживать сносное существование. В стране на два года приостанавливалось антимонопольное законодательство 1890 г., допускалось картелирование по отдельным отраслям промышленности с целью сдерживания рыночной стихии.

Тесное взаимодействие правительства и корпораций продолжалось до 1934 г. после чего между ними наступил резкий разлад: оживший бизнес стал откровенно тяготиться как государственным контролем, так и политикой социальных и экономических реформ, направленных на непосредственное вовлечение государства в экономическую деятельность и помощь рабочим и фермерству. Со стороны бизнеса на Рузвельта посы-

⁸ Ibid., p. 21, 26, 28-31, 33, 231.

пались прямые обвинения в «фашистских» и «коммунистических» намерениях. В этой ситуации президент, проявив незаурядное мужество, перешел в острую идеологическую и политическую контратаку на бизнес.

Начиная с 1935 г. Рузвельт настойчиво внушал американцам, что главная задача заключается в том, чтобы освободить нацию от гнета монополий и финансовых спрутов. При этом он подчеркивал, что тень не должна быть брошена на весь бизнес, частное предпринимательство и индивидуализм, наоборот, эти фундаментальные установления должны быть защищены от капиталистических цезарей — «жирных котов». Власть должна быть отнята у двухсот гигантских корпораций, распоряжающихся половиной богатства нации, у финансовых гигантов, которые с помощью нечестных сделок, сговоров и махинаций непрерывно отчуждают в свою пользу «деньги народа, бизнес народа, труд народа»⁹. Антимонополистическая либеральная доктрина Рузвельта развивала идеи Л. Брандейса и В. Вильсона, была направлена на то, чтобы превратить демократическую партию в объединение среднего класса, заручиться безусловной поддержкой большинства нации. Но удалось ли Рузвельту практически осуществить то, что оказалось не под силу сделать Вильсону?

Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. С одной стороны, Рузвельт не смог провести разукрупнение монополий, что являло бы зримое воплощение антимонополизма, но с другой — им были предприняты реальные шаги, направленные на ограничение деятельности корпораций, монополистической эксплуатации, перераспределение национального пирога в пользу малообеспеченных слоев. Гнев монополий вызвал закон о налогообложении 1935 г., повысивший ставки отчислений от корпоративной прибыли до 80%. И еще большую волну возмущений с их стороны вызвали федеральные законы, наделявшие трудящихся важными и, безусловно, чуждыми классическому капитализму социальными и экономическими правами.

Лицом к человеку

Важным мотивом идеологии и практики Нового курса с самого начала был поворот лицом к «забытому человеку»; после 1935 г. этот мотив вообще вышел на ведущее место. Кого включал Рузвельт в понятие «забытых людей»? Фактически десятки миллионов простых американцев: тех, кто не имел работы, достаточных средств для сносного существования, крыши над головой. Эти американцы, по утверждению Рузвельта, составляли не менее одной трети нации¹⁰. Кем и почему они были забыты? Отвечая на этот вопрос, Рузвельт рассуждал все более откровенно, пока, наконец, в 1938 г. не признал, что ответственность должна быть полностью возложена на государство и крупных собственников, подчинивших себе правительство и управлявших им в своих эгоистических интересах вплоть до начала Нового курса¹¹. Тем самым президент отрекся и от классических постулатов индивидуализма, возлагавших ответственность за приниженное положение трудящихся на самих трудящихся.

Но почему государство оказалось в руках крупных собственников? Да потому, доказывал Рузвельт, что народ сам не проявил необходимой активности для того, чтобы подчинить своим интересам правительство. Отсюда следовал призыв к простым американцам: поддержите реформы, проводимые «сверху» в интересах «забытого человека», давлением «снизу», ибо только это и может гарантировать их успех. Призыв к народу

---

⁹ Nothing to Fear, p. 20, 22, 63-64, 66-68.

¹⁰ Ibid., p.91.

¹¹ Ibid p. 155.

был услышан, что способствовало складыванию в ходе Нового курса широкой либерально-демократической коалиции, которую поддерживали не только немонополистическая буржуазия, но также фермерство и рабочий класс. Последние сумели извлечь наибольшую выгоду от Нового курса в 1935—1938 годах.

Одним из наиболее резких отступлений Рузвельта от канонов старого либерализма явилась та идея, что богатство, собственность и прибыль, созданные усилиями «сообщества индивидуумов», а не одного капитала, должны распределяться на новой, справедливой основе. Для этого должен быть создан механизм перераспределения богатств, управление которым по праву принадлежит государству. Одним из главных каналов перераспределения национального богатства в пользу «забытых американцев» была признана государственная система социального страхования. В 1935 г. в Соединенных Штатах были введены два вида государственного социального страхования — по старости и безработице. И хотя федеральный закон о социальном страховании носил ограниченный характер, принципиально было то, что он впервые превращал федеральное государство в гаранта важных социальных прав трудящихся. Это был серьезный прорыв в теории и практике классической буржуазной социальной политики.

Другой такой прорыв заключался в одобренном в том же году федеральном законе о трудовых отношениях, который гарантировал рабочее право создания профсоюзов, ведения и заключения коллективных договоров с предпринимателями и право на забастовку (с предварительным уведомлением со стороны профсоюзов и арбитражем со стороны государства). В 1938 г. Национальным конгрессом был принят закон о введении максимальной продолжительности рабочей недели для тех отраслей, которые попадали под федеральную юрисдикцию. Все эти законы отвечали рузвельтовской концепции «заправки насоса» — перераспределения национального богатства в целях повышения покупательной способности трудящихся и смягчения и рассасывания кризиса перепроизводства. Но нельзя не видеть в рузвельтовской идеологии и политике сознательно пестуемых *эгалитарных начал*, призванных сплотить вокруг государства народные массы и обеспечить национальное единство на основе качественно новой социальной политики. Рузвельт и теоретически, и практически пытался изменить условия общественного договора между государством и социальными классами, стремясь к тому, чтобы гораздо полнее учитывались интересы народа и определенно ущемлялись интересы монополий.

Эта концепция нового общественного договора получила законченный вид уже в 40-е годы, когда президентом был разработан проект второго — социально-экономического — Билля о правах. Если первый Билль о правах гарантировал американцам политические свободы слова, печати, собраний, то второй должен был гарантировать им право на труд, оплачиваемый отдых, жилище, доход, обеспечивающий прожиточный минимум, медицинское обслуживание¹². Этот проект, включенный в идеологию либерализма, означал высший момент ее социал-демократизации, но между его провозглашением и практической реализацией лежала дистанция огромного размера.

Преобразуя теорию и практику либерализма, включая в него принципы, радикально противоречившие классическим постулатам, Рузвельт не действовал по какому-то четко продуманному плану. Главное было отвести от капиталистического общества смертельную опасность, и ради этого стоило идти на самые неожиданные эксперименты и раз за разом

---

¹² Ibid., p. 396, 424.

поступаться заветами либералов. *«Страна нуждается и, если я правильно понимаю ее настроения, она требует смелого и настойчивого эксперимента. Здравый смысл требует выбрать метод и испытать его,— формулировал свое прагматическое кредо Рузвельт в 1932 г.,— если не получится — честно признайтесь и попробуйте другой. Но главное — попробуйте»*¹³.

Таким радикальным экспериментом, продиктованным здравым смыслом, было создание федеральной системы социальных прав трудящихся. Другим экспериментом, заключавшим резкий разрыв с заповедями либерализма, стала идея государственного бюджетного дефицита как важнейшего средства преодоления кризиса перепроизводства.

Бюджетный дефицит как лекарство

Еще в 1932 г. во время избирательной кампании Рузвельт выступал твердым защитником сбалансированного бюджета и обещал сделать все, чтобы погасить государственный долг. Однако борьба с безработицей, развитие социальных программ, государственное рефинансирование задолженности и спасение миллионов фермерских хозяйств потребовали резкого увеличения государственных расходов. Расширяющийся бюджетный дефицит был вынужденной уступкой требованиям жизни: сбалансировать бюджет в 1933, 1934 или в 1935 гг., признавал позднее Рузвельт, означало совершить преступление против народа. Постепенно практика дефицитного финансирования социальных и иных расходов правительства, в корне противоречившая канонам буржуазной политэкономии, была возведена им в теоретический постулат. Во второй половине 30-х годов он уже говорил о наличии среди либералов двух школ в вопросе бюджетной политики: одна твердо исповедовала теорию сбалансированного бюджета, другая признавала законность дефицита, определяемого задачами снятия экономического кризиса и обеспечения социально-экономических запросов бедствующего народа. Рузвельт безоговорочно вставал на сторону второй школы.

Некоторыми исследователями высказывалась мысль, что идея дефицитного финансирования правительственных расходов была воспринята Ф. Д. Рузвельтом у английского экономиста Дж. Кейнса. Действительно, Кейнс выдвинул концепцию широких государственных расходов как средства воздействия на стагнирующую экономику, повышения покупательной способности низших слоев и рассасывания на этой основе кризиса перепроизводства еще до Нового курса. Но Рузвельт пришел к принятию этой концепции самостоятельно, под давлением чрезвычайных обстоятельств, а с идеями Кейнса познакомился позднее. Не Кейнс, а затяжной экономический кризис, заключенное в общественной практике требование самовывживания побуждали его идти на все больший бюджетный дефицит. В президентском послании 1937 г. Рузвельт вновь обещал вернуться к сбалансированному бюджету, но вскоре опять стал опираться на идею «заправки насоса», превратившуюся поистине в лейтмотив его новоллиберального курса. Ее практическое воплощение характеризуется впечатляющими цифрами: с 1932 по 1940 гг. федеральные государственные расходы выросли с 4266 до 10061 млн долларов. За этот же период промышленное производство увеличилось на 60%. Конечно, было бы преувеличением объяснять экономическое оздоровление только «заправкой насоса», но и отрицать ее огромную позитивную роль невозможно.

Государственный бюджет активно расходовался на оказание помощи фермерам (рефинансирование задолженности, выплаты премий за сокращение посевных площадей и т. д.), организацию общественных работ

¹³ Цит. по: США: политическая мысль и история. М., 1976, с. 350.

с целью снижения безработицы, развитие систем социального страхования. Все это означало радикальное обновление установок либерализма, включение в него концепции государственного планирования, выразившегося как в прямом, так и в косвенном воздействии государства на процесс капиталистического производства и социальные отношения. По меркам классического капитализма то был чуть ли не социалистический переворот, в котором консерваторы не устали обвинять Рузвельта. Единомышленники же Рузвельта неизменно рассматривали его как спасателя капитализма. Истинная суть Нового курса не раскрывалась ни в Филиппинах консерваторов, ни в панегириках новых либералов: *Рузвельт вытаскивал капитализм из пропасти ценой мероприятий, которые объективно означали развитие процесса социализации частнособственнических отношений. Социализация не была равнозначна социализму, но в то же время означала освоение многих его форм и принципов, придававших капитализму новый, более цивилизованный облик.*

Подлинный лидер

Преображая американскую действительность, поистине выступая в роли творца истории, Рузвельт объявил об отмежевании от той школы «профессиональных экономистов», которая мыслила общественное развитие исключительно в соответствии с «объективными», неподвластными человеческой воле законами. Президент не раз высказывался о них с иронией: можно ли воспринимать на веру учение «профессиональных экономистов», если они меняют свое представление об объективных законах каждые десять, а то и пять лет? . Сам он был тверд в том, что люди вправе формулировать и переформулировать свои идеалы и цели и подчинять их достижению естественный ход вещей, меняя его, когда того требует общий интерес. *Человек и нация, убеждал он американцев, обладают способностью преодолевать самые страшные несчастья и самые опасные пропасти: «единственная вещь, перед которой мы должны испытывать страх, это только сам страх»¹⁵.*

Признавая огромное, если не решающее значение человеческой воли, коллективных усилий людей в определении характера общественного развития, Рузвельт, естественно, уделял много внимания осмыслению роли политических институтов, через которые могли реализоваться эти усилия. При этом он очень много позаимствовал из взглядов Т. Рузвельта, В. Вильсона, Л. Брандейса, Г. Кроули и других новых либералов начала XX века. Государство неизменно рассматривалось им как политически нейтральная, внеклассовая сила, назначение которой состояло в аккумуляции и выражении общенационального интереса. Первоосновой национального интереса, согласно его убеждениям, была защита принципов Декларации независимости, федеральной конституции и Билля о правах, но в 30-х годах к этому следовало добавить гарантии экономических и социальных прав «забытых американцев».

Будучи убежденным демократом, Рузвельт решительно отвергал диктаторские политические системы, высказывался в равной степени критически о гитлеровском и сталинском режимах. Но безвластие, недееспособная демократия им так же отвергались. Президент признавал нерушимыми и непреходящими принципы разделения властей, их взаимоограничения и равновесия, но вместе с тем полагал, что в чрезвычайных условиях 30-х годов решающую роль в спасении общества могла сыграть исполнительная власть. Эта идея обосновывалась при помощи исторического

[#] Nothing to Fear, p 30

⁵ G e e r T What Roosevelt Thought The Social and Political Ideas of Franklin D Roosevelt Michigan, 1958, p 8

урока, извлеченного из прошлого самим Рузвельтом: «Большая часть наших великих дел совершалась президентами, которые были не орудиями Конгресса, а подлинными лидерами страны, правильно истолковывавшими нужды и стремления народа»¹⁶.

В соответствии с концепцией сильной президентской власти Рузвельт подбирал в свою команду людей, способных твердо и энергично проводить принимаемые решения в жизнь. Признавая самостоятельность Конгресса, он добивался, как минимум, лояльности в отношении своего курса со стороны демократической партии, располагавшей в годы его президентства большинством в высшем законодательном органе. Возможность фракционных размежеваний в собственной партии воспринималась им крайне болезненно. Без партийного единства в Конгрессе проведение реформаторского курса, по его убеждению, было невозможно.

Конфликтными оказались взаимоотношения Рузвельта с Верховным судом, в котором в момент его прихода к власти преобладали консерваторы. В 1935— начале 1936 гг. Верховный суд отменил как антиконституционные 11 законодательных актов рузвельтовского Нового курса, среди них наиболее важные, поставив тем самым под угрозу срыва все президентские замыслы. В этих условиях Рузвельт действовал жестко и бескомпромиссно: мобилизовав на свою сторону общественное мнение, заклеив с его помощью «девять старцев» из Верховного суда, президент под угрозой радикальной перетряски высшего судебного органа вынудил-таки его перейти от обструкционистской к одобрительной позиции в отношении реформ.

В целом Рузвельту удалось не только существенным образом обновить либерализм на основе его социал-демократизации, но и добиться реальных успехов в практическом воплощении новых идей. Преодолевая сомнения, используя смелые эксперименты, Рузвельт не побоялся спасать и улучшать американский капитализм при помощи тех мер, которые традиционно ассоциировались с социализмом. Вместе с тем благодаря поразительной политической интуиции он воспринял из социализма ровно столько, сколько понадобилось для реанимации, но не сокрушения американской системы.

По прошествии времени можно утверждать, что Рузвельт справился с вызовом, брошенным капитализму марксизмом, но сделал это в высшей степени цивилизованно, на основе интеллектуального диалога — спора с альтернативным учением, нейтрализуя его революционные пророчества при помощи заимствования у социалистов рецептов, способствовавших существенному смягчению противоречия между общественным характером производства и частным способом присвоения и снятию в той или иной мере «отчуждения» трудящихся от общественной системы. Он превратил либерализм в открытую идеологическую и политическую систему, и эта открытость позволила капитализму выйти из того исторического тупика, из которого, по убеждению ортодоксальных марксистов, никакого выхода не существовало. Рузвельт доказал словом и делом, что альтернатива *капитализм или социализм* являлась по сути ложной, что их идеалы могли быть скрещены и что общество благодаря умелой социальной инженерии вполне могло избежать, казалось бы, неминуемых катастроф, гражданских войн, кровавых революций.

---

¹⁶ B i n k l e y W. The Powers of the President. Problem of American Democracy. New York, 1937, p. 262.